

УДК 808.1

DOI 10.17516/2311-3499-036

МАРКЕРЫ РИТОРИЧНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТАХ РАССКАЗОВ Т. ТОЛСТОЙ

Г.В. Кукуева

Статья написана в русле базовых положений теории эффективной коммуникации. Основной идеей статьи является мысль о том, что художественные тексты конца XX – начала XXI вв. реализуют принципы эстетики постмодернизма, проявляющиеся в актуализации особым образом организованной риторической программы, заложенной в тексте. Риторичность определяется в статье как особая категория словесного построения, имеющая определенный набор стилистически и грамматически маркированных средств, направленных в область читательского восприятия.

Главная задача статьи – проанализировать маркеры риторичности как приемы эффективной художественной коммуникации в текстах рассказов Т. Толстой, отличительной чертой которых является совмещение признаков постмодернизма и традиционного реализма. Поставленная задача решается на примере произведений, посвященных теме детства. В работе выявлены и описаны наиболее частотные в рассматриваемых произведениях маркеры риторичности: фонетические (аллитерация, звукоподражание, диакота), лексико-грамматические (изменение грамматических категорий существительного, использование уменьшительно-ласкательных формантов, дейктических элементов), синтаксические (цитатные включения, смешанные синтаксические конструкции). В работе доказано, что эффективность художественной коммуникации заключается в том, что маркеры риторичности помогают читателю в конструировании многоликого образа рассказчика (рассказчицы) через смешение стилей, цитацию, несобственно-прямую речь и смешанные формы чужой речи.

Ключевые слова и фразы: *постмодернизм; художественный текст; идиостиль; рассказы Т. Толстой; эффективная коммуникация; маркеры риторичности.*

RHETORICALNESS MARKERS AS ONE OF METHODS OF EFFECTIVE COMMUNICATION IN THE ART TEXT OF THE END OF THE XX BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

G.V. Kukueva

The article is written in line with basic provisions of the theory of effective communication. The main idea of article is the thought that art texts of the end of the XX beginning of the 21st centuries realize the principles of an esthetics of postmodernism which are shown in updating of dialogue of the author with the reader by means of the rhetorical program put in the text. The rhetoricalness is defined in article as the special category of verbal construction having a certain set stylistically and grammatically marked funds allocated to the area of reader's perception. The main task of article – to analyse rhetoricalness markers as methods of effective communication between the author and the reader. This problem is solved on material of texts of stories of T.N. Tolstaya as a sample of postmodernist literature. In work the most frequency are revealed and described in prose of this author rhetoricalness markers: phonetic (alliteration, onomatopoeia, diakota) and lexical and grammatical (change of grammatical categories of a noun, use of diminutive-hypocoristic formant, deiktichesky elements). In work it is proved that activity of use of the called markers, it not only the style line of poetics of T.N. Tolstaya connected with reproduction of the world of the childhood is also reception of immersion of the reader in an existential

continuum, uniform with the author-story-teller and characters. Immersion of this sort also provides efficiency of dialogue "author-reader".

Keywords and phrases: *postmodernism; art text; stories by T.N. Tolstaya; effective communication; rhetoricalness markers.*

Введение. В отечественном литературоведении проза Т. Толстой рассматривается неоднозначно. Одним из главных вопросов при исследовании идиостиля писательницы является вопрос о принадлежности ее к тому или иному литературному направлению. Так, например, Э.Г. Новикова [Новикова 2014] причисляет Т. Толстую к писателям необарокко. Е.С Гоцило обращает внимание на то, что «широкая опора писательницы на интертекст связывает ее с посмодернизмом, но она все же остается автором с традиционными неогуманистическими ценностями и модернистской техникой» [Гоцило 2000: 11], данный исследователь говорит также о влиянии на творческую манеру Т. Толстой приемов орнаментальной прозы 20-х годов. Анализируя поэтику рассказов книги «Река Оккервиль», Е.А. Сергеева утверждает, что индивидуальная художественная система Т. Толстой сформировалась под воздействием онтологического пессимизма постсоветской эпохи [Сергеева 2013: 3]. В работах Н.П. Беневоленской [Беневоленская 2008], Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий 2006], И.С. Скоропановой [Скоропанова 2001] говорится об особой стилистической манере Т. Толстой, сформировавшейся путем соединения примет посмодернистского письма с канонически-традиционным реализмом, что проявляется в сочетании, казалось бы, несовместимых признаков: назидательности и игрового начала, сказовой манеры письма и предельной условности, бессюжетности, метафоричности и мифологичности событий, трагизма и самоиронии. В целом, демонстрируя художественную модель современной русской постмодернистской эклектики, монтажности, тексты произведений данного автора, как отмечает А.Н. Безруков, «отличаются очевидной четкостью риторических отношений в художественном дискурсе» [Безруков 2015: 42]. Тексты Т. Толстой, с одной стороны, привлекают читателя своей нестандартностью, с другой – осложняют процесс чтения, заставляя читателя то и дело погружаться в расшифровку смыслов. Сказанное актуализирует необходимость постановки вопросов: Как организуется процесс художественной коммуникации в подобных текстах? Какие приемы и средства задают эффективность коммуникации? Каков статус рассказчика (рассказчицы)?

Цель данной статьи – выделить и проанализировать маркеры риторичности в текстах рассказов Т. Толстой, доказать, что роль данных маркеров заключается в осуществлении эффективной художественной коммуникации, в той или иной мере формирующей поэтический идиолект писателя.

Материалом исследования послужили рассказы Т. Толстой, посвященные теме детства «Свидание с птицей», «На золотом крыльце сидели...», «Ночь», «Любишь – не любишь». В данных произведениях освещается проблема столкновения чистого мира детства с жестоким миром реальности. Это столкновение формирует в рассказах целую галерею рассказчиков, поразному проявляющих себя в тексте.

Эффективная коммуникация понимается нами вслед за И.А. Стерниным «как выбор подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, как умение правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [Стернин 2012: 3]. Поиск наиболее эффективной стратегии воздействия текста на читателя является одной из важных проблем художественной коммуникации в произведениях постмодернизма. Некогда провозглашенный в трудах Р. Барта и М. Фуко тезис «о смерти автора» при работе с текстом заставляет задуматься о статусе категории автора. Опираясь на работы В. Курицына, считаем, что в русском постмодернистском тексте автор реализуется через феномен

«двойного присутствия»: художник в каждой ситуации выступает в качестве субъекта и объекта, является сразу и автором текста, и его героем, и сторонним наблюдателем, то есть – критиком. Аналогичную характеристику авторского присутствия в русском постмодернистском тексте встречаем в работе О.В. Богдановой: «Позиция автора в постмодерном тексте существенно изменена. Автор скрыт и замаскирован в герое-рассказчике, что обеспечивает отсутствие нравственно маркированной оценочности и переход от традиционной роли “учителя” и “наставника” к роли “равнодушного летописца”» [Богданова 2004: 32].

Повествовательный центр рассказов Т. Толстой составляют такие категории, как время, пространство, пейзаж, память, события прошлого. Повествователь предстает как «литературная маска», реализующаяся разными образами: рассказчиком-ребенком («Любишь – не любишь»), взрослым рассказчиком, сливающимся с образом мальчика («Свидание с птицей»), рассказчицей, вспоминающей о детстве («На золотом крыльце сидели»), странным герем, живущим в мире собственных иллюзий, мечтаний («Ночь»), героем-реалистом («Поэт и муза»), лирической рассказчицей («Самая любимая»). Многоликость авторского «я» формирует игровую природу художественной реальности.

Методология исследования. Исследование проводилось в рамках системно-функционального подхода, суть которого, с точки зрения О.Г. Ревзиной, заключается «в реализации <...> потенциальных возможностей языковой системы, на уровне общепозитического и индивидуально-авторского поэтического языка. В основе исследования потенциальных возможностей языковой системы лежит категория выразительности» [Ревзина 1998: 22]. В качестве базовых идей в работе используются основные положения филологической теории коммуникации. В частности, нами учитывается определение текста «как коммуникативно направленного и прагматически значимого сложного знака лингвистической природы, репрезентирующего участников коммуникативного акта в текстовой личности *homolaquens*, обладающего признаками эвокативности и ситуативности, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости» [Чувакин 2012: 28]. Анализ практического материала осуществляется на основе методики описания маркеров риторической программы, заложенной в тексте [Макеева 1999].

Результаты исследования. Признак риторичности, открытости, свойственный текстам постмодернизма, в частности и текстам Т. Толстой, с одной стороны, связан с таким явлением, как «эрозия коммуникативности» [Тюпа 2018: 264], проявляющаяся в «развенчании субъекта как «основоположника значения», как несущей опоры культурной жизни» [Там же: 265], с другой стороны, в двойной кодировке автора, о которой мы уже упоминали выше. Если в классических текстах главенствующее место занимал всезнающий автор, который вел читателя за собой, открыто высказывал свою точку зрения, декларировал ее, то в постмодернистских текстах на первое место выходят ситуация, случай, событие, именно они конструируют образ рассказчика (рассказчицы). Чтобы диалог состоялся, текст должен содержать знаки, провоцирующие пробуждение рефлексии. Данные знаки заложены в риторической программе построения текста. Под риторической программой мы понимаем «особым образом расположенные средства построения текста. Риторичность представляет собой словесное построение, «которое, с одной стороны, рассматривается как манифестация определенной риторической категории, а с другой – как цепочка вопросов, провоцирующих пробуждение рефлексии при рецепции текста» [Макеева 1999: 24]. Риторическая программа считывается посредством вычленения из текста маркеров риторической ситуации, активизирующих внимание читателя. Они создают точки риторической напряженности, чем и позволяют реципиенту осознать образ рассказчика (рассказчицы).

Маркеры риторической организации текста делятся на несколько типов: фонетические, интонационные, лексико-грамматические, синтаксические, коммуникативные, стилистические. В текстах рассказов Т. Толстой нами выявлены фонетические, лексико-грамматические и синтаксические маркеры.

В качестве **фонетических маркеров** в рассказах выступают аллитерации, звукоподражания, диакোпа. Остановимся более подробно на каждом приеме.

Аллитерация. Зачин рассказа «Ночь» насыщен звуковыми образами, создающими перед читателем картину происходящих событий:

Утром мамочка Алексея Петровича громко-громко зевает, ура, вперед, новое утро прыщит в окно; кактусы блещут. Трепещет занавеска; распахнулись ворота ночного царства; драконы, грибы, и старинные карлики снова провалились под землю, жизнь торжествует...

Чередование глухих согласных *т, с, к, ш, х*, со звонкими *р, з, ж* создает почти зрительный эффект наступления утра, пробуждения, перехода от ночи к дню. Звуковые образы создаются также благодаря наречным «*громко-громко*» и глагольным лексемам «*прыщит*», «*трепещет*». В приведенном текстовом фрагменте явно звучит голос рассказчика-ребенка, наивно воспринимающего тайны и страхи ночного царства и с большей радостью принимающего наступление дня «*ура, вперед...*».

Звукоподражания в текстах рассказов Т.Н. Толстой используется либо для воссоздания звуковой картины, либо для возбуждения определенных эмоций у героя. Так, например, сопровождается движение персонажа: *Чвак, чвак, чвак, чвак – монеты в кармане* («Ночь»). Восторг героя передается с помощью особой мелодии его речи: *... новый день! Новый день! Ту-ру-ру-ру-ру-у-у!* («Ночь»).

Диакোпа. Например: *Алексей Петрович тихо-тихо берет две коробочки, осторо-ожно на цы-почках ... идет к кровати, аккуратненько кладет под подушку* («Ночь»). Благодаря данному маркеру перед читателем конструируется не только слышимый, но и зримый образ крадущегося Алексея Петровича. Читатель вместе с рассказчиком наблюдает со стороны за действиями персонажа.

Лексико-грамматические маркеры в анализируемых текстах, как правило, связаны с особенностями выражения имен собственных и нарицательных. Довольно часто Т.Н. Толстая прибегает к использованию имен нарицательных в значении собственных, что маркируется графически: «Мамочка», «Ноги», «Правила», «Мужчины», «Женщины», «Морская девушка» (рассказ «Ночь»); «Сад», «Рай», «Царица», «Дама», «Кавалер» (рассказ «На золотом крыльце сидели...»). Графическое выделение слов напрямую связано со значимостью этих понятий в жизни героев.

Герой рассказа «Ночь» Алексей Петрович находится под властным влиянием своей матери: *Мамочка такая громкая, большая, просторная, а Алексей Петрович маленький. Мамочка знает, может, всюду пройдет. Мамочка всевластна.* Выделение лексемы «Правила» связано с душевными противоречиями героя между миром внешним и внутренним: *У Алексея Петровича свой мир в голове – настоящий. Там все можно. А этот, снаружи – дурной, неправильный. И очень трудно запомнить, что хорошо, а что плохо. Они тут условились, договорились. Написали Правила, ужасно сложные. Выучили, у них память хорошая. А ему трудно жить по чужим правилам.* Благодаря данному грамматическому маркеру перед читателем выстраивается образ несамостоятельного, инфантильного Алексея Петровича, неспособного отвечать за свои поступки, живущего только по чужим законам и правилам. Графическое выделение имен нарицательных в рассказе «На золотом крыльце сидели...» связано с детскими воспоминаниями рассказчицы: *Летом – в сандалиях, зимой – в подшитых валенках торопится дядя Паша в свой Сад, в свой Рай, где с озера веет вечерней тишиной, в Дом, где на огромной кровати о четырех стеклянных ногах колышется необъятная золотоволосая Царица.* «Сад», «Рай», «Дом», «Царица» для детского сознания полны тайны. В конце рассказа появляется еще одна лексема, выступающая в роли грамматического маркера – «Время». Эта единица маркирует отношение повзрослевшей рассказчицы к ее детским воспоминаниям:

Как давно я здесь не была. Какая же я старая! Что же, вот это и было тем, пленявшим? Вся эта ветошь и рухлядь, обшарпанные крашеные комодики, топорные клеенчатые

жардиньерки. Вытертый плюш, штопанный тюль, рыночные корявые поделки, дешевые стекляшки? Как глупо ты шутишь, жизнь! Пыль, прах, тлен. Вынырнув с волшебного дна детства, из теплых сияющих глубин, на холодном ветру разожем озябший кулак – что, кроме горсти сырого песка, унесли мы с собой? («На золотом крыльце сидели...»).

Центром повествования становится эмоциональное переживание рассказчицы, обнаружившей, что волшебный мир ее детства грубо порушен годами.

Проведенный нами анализ текстового материала наглядно доказывает активность использования в качестве лексико-грамматических маркеров лексем с суффиксами субъективной окраски. Чаще всего Т.Н. Толстая использует лексем с уменьшительно-ласкательными формантами в речи персонажей: «фонтанЧИК», «трубОЧКи», «пипОЧКи», «коробОЧКи», «ножКи», «окошЕЧКо», «бокальЧИК» (рассказ «Ночь»); «дорожКа», «колесИКи», «носИК», «дымОК», «подушЕЧКа», «палОЧКи», «рыбКа» («Свидание с птицей»). Данные единицы характеризуют восприятие окружающего мира героями-детьми или взрослыми персонажами, сохранившими детскость в характере и поведении.

Дейктические элементы, использующиеся в функции грамматических маркеров, эксплицируют пространственно-временные границы повествования, что создает эффект присутствия читателя в разворачивающихся событиях. Рассмотрим пример:

Ах, сколько там было людей, сколько обладателей ватников и плюшевых жакетов, коричневых оренбургских платков! И все они горланили, и суетились, и трясли перед папиным лицом синими диагональными отрезами, и совали в нос крепкие черные валенки! Какие там были сокровища! А папа-то: все прогляпил, проворонил, ничего, кроме абазура, оттуда не унес. А надо было купить всего-всего: и вазочек, и блюдец, и цветастых платков, и свиных чучел, и фарфоровых свиней, и ленточных ковриков! («Любишь – не любишь»).

Дейксис пространственной координации представлен указательными местоимениями «там», «оттуда». Данные единицы выражают референцию говорящего субъекта (рассказчицы девочки) относительно описываемой ситуации: рассказчица находится за границей описываемой ситуации, она видит событие как сторонний зритель. Персональный дейксис представлен единицами 3 лица, находящимися в центре ситуации «там». Причем персональный дейксис строится на контрасте воссозданных в речи объектов, с одной стороны, *люди, обладатели ватников и плюшевых жакетов, все они горланили...*, с другой стороны, *а папа-то: все прогляпил, проворонил*.

Синтаксические маркеры. Первая группа маркеров связана с приемом цитации, представляющей собой введение в текст разностилевых фрагментов чужого высказывания как знаков культурного контекста. Данные фрагменты в анализируемых текстах либо сохраняют свою самостоятельность и воспринимаются как отдельный, цельный текст в тексте, либо формируют тип несобственно-прямой речи. Например, рассказ «На золотом крыльце сидели...» сопровождается эпиграфом из детской считалочки: *На золотом крыльце сидели: Царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты такой? Говори поскорей, не задерживай добрых людей!* Детская считалка представляет собой самостоятельный текст, который вводит читателя в описываемые далее события, становится своеобразным сигналом конструирования образа рассказчицы – ребенка, увлеченного игрой и воспринимающего мир как сказочную игру. В зачине рассказа представлено еще одно цитатное вкрапление: *Вначале был сад. Детство было садом*, содержащее библейский мотив (ср.: «В начале было слово. И слово было Бог»). Взаимосвязь между когда-то созданным текстом и его перефразированной цитатой наблюдается как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Переключки текстов способствует расширению повествовательного пространства: мир детства предстает перед читателем как мир рая. Для рассказчицы первые яркие воспоминания связаны с отдыхом на даче, с садом, окружавшим ее, с соседями, поэтому сад она воспринимает как точку отсчета.

Вторая группа синтаксических маркеров связана с воспроизведением в тексте смешанных форм чужой речи, которые становятся наглядным свидетельством эклектики речевой композиции.

В речи героя или рассказчика наблюдаются сочетание резко контрастных стилистических элементов, увеличение частотности и повышение функциональной значимости конструкций с косвенной и тематической речью, несобственно-прямой речью. В рамках сложного предложения объединяются несколько субъектно-речевых сфер, не имеющих явных традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены одного речевого субъекта другим. Рассмотрим пример:

Точно, он на ней женится. Раньше он собирался жениться на маме, но раз уж он обещал Тамиле... Маму он тоже с собой обязательно возьмет; можно, в конце концов, и Ленечку... а дядю Борю – ни за что. Маму он очень, очень любит, но таких странных, чудесных историй, как у Тамилы, от нее никогда не услышишь. Поешь да умойся – вот и весь разговор. И что купили – луку или там рыбу («Свидание с птицей»). В данном текстовом фрагменте используется форма несобственно-прямой внутренней речи мальчика Пети: сохраняются лексемы, свидетельствующие о стилистике речи ребенка «мама», «Ленечка», «дядя Боря», неполные предложения *можно, в конце концов, и Ленечку... а дядю Борю – ни за что*, вводные слова «точно», «можно»; сохраняется оценочная сторона высказываний, «маму очень, очень любит», «чудесные истории». Однако мысли героя воспроизводятся в тексте не местоимением 1-го лица, как это свойственно монологу, а формой 3 лица («он женится», «он собирался жениться», «он обещал» «он возьмет с собой» и т.д.). Таким образом, создается впечатление, что монолог героя пересказывается другим, необозначенным рассказчиком, чья субъектно-речевая сфера сливается с субъектно-речевой сферой мечтающего мальчика Пети. С точки зрения синтаксиса рассматриваемый фрагмент представляет собой полипредикативную единицу, в которой «пересказываемая» прямая речь смешивается со свободной прямой речью («Поешь да умойся», «И что купили – луку или там рыбу»), не имеющей ни ремарочного компонента как сигнала смены речевого субъекта, ни графического, ни пунктуационного оформления.

Заключение. Эффективность художественной коммуникации в рассказах Т. Толстой заключается, во-первых, в погружении читателя в пространственно-временные координаты описываемых событий (мира детства), во-вторых, в особенностях конструирования образа рассказчика (рассказчицы). Данный образ рождается внутри самого текста, в ходе его развертывания перед читателем. Маркеры риторичности становятся одним из адекватных способов конструирования многоликого образа рассказчика через разрушение прерогативы монологического авторского «слова», через воспроизведение звучащей, осязаемой речи героев, цитатного слова в рамках несобственно-прямой речи, смешанных форм чужой речи. Выбор маркеров, характер их влияния на процесс художественного диалога текста с читателем в полной мере можно рассматривать как одну из стилевых черт поэтики Т. Толстой, чьи произведения имеют приметы как посмодернизма, так и реализма.

Литература

Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход: монография. Wrocław: Русско-польский институт, 2015. 300 с.

Беневоленская Н.П. Татьяна Толстая и постмодернизм (парадоксы творчества Т Толстой). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 129 с.

Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60 – 90е годы XX века – начало XXI века). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 716 с.

Гоцило Е. С. Взрывоопасный мир Татьяны [пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова]. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 200 с.

Курицын В. Русский литературный посмодернизм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guelman.ru/slava/postmod> (дата обращения: 14.09.2018).

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. В 2 т. учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Academia, 2006. 684 с.

Макеева М.Н. Риторическая программа художественного текста как условие использования рациональных герменевтических техник в диалоге «текст – читатель». Тамбов, 1999. 134 с.

Новикова Э.Г. Особенности речевой художественной формы малой прозы Т. Толстой: речевой художественный прием лексико-семантического синкретизма // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 18–26.

Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 86 с.

Сергеева Е.А. Поэтика рассказов Т. Толстой: сборник «Река Оккервиль» как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2013. 19 с.

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский Простор, 2001. 416 с.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия: учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.

Теория текста: учебное пособие [для студентов магистратуры, аспирантов филол. специальностей, преподавателей] / Ю.Н. Земская [и др.] ; под ред. А.А. Чувакина. - 3-е изд. ; стер. М.: Флинта, 2012. 222 с.

Тюпа В.И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике: монография. М.: Издательство Юрайт, 2018. 274 с.

Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. Красноярск: Сиб. Федер. ун-т, 2012. 1474 с.

References

Bezrukov A.N. Recepciya hudozhestvennogo teksta: funkcional'nyj podhod: monografiya [Reception of the art text: functional approach. Monograph]. Vroclav, Russko-pol'skij institut Publ., 2015. 300 p.

Benevolenskaya N.P. Tatyana Tolstaya i postmodernizm (paradoksy tvorчества T Tolstoj) [Tatyana Tolstaya and postmodernism (paradoxes of creativity T Tolstoy)]. SPb., Fakultet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2008. 129 p.

Bogdanova O.V. Postmodernizm v kontekste sovremennoj russkoj literatury (60–90e gody XX veka – nachalo XXI veka) [Postmodernism in the context of modern Russian literature (60–90s of the XX century - the beginning of the XXI century)]. SPb., Filologicheskij fakultet SPbGU Publ., 2004. 716 p.

Goshilo E.S. Vzryvoopasnyj mir Tatyany [per. s angl. D. Gancevoj, A. Ilenkova] [Explosive world of Tatiana]. Ekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2000. 200 p.

Kuricyn V. Russkij literaturnyj posmodernizm [Russian literary postmodernism]. Available at: <http://www.guelman.ru/slava/postmod> (accessed 14.09.2018).

Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody. V 2 t. uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Contemporary Russian Literature: 1950–1990s. In 2 tons a textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Academia Publ., 2006. 684 p.

Makeeva M.N. Ritoricheskaya programma hudozhestvennogo teksta kak uslovie ispol'zovaniya racional'nyh germenevticheskikh tekhnik v dialoge “tekst – chitatel” [The rhetorical program of the art text as a condition of use rational hermeneutical the technician in dialogue “the text – the reader”]. Tambov, 1999. 134p.

Novikova E.G. Osobennosti rechevoj hudozhestvennoj formy maloj prozy T. Tolstoj: rechevoj hudozhestvennyj priem leksiko-semanticheskogo sinkretizma [Features of the speech art form of small

prose T. Tolstoy: speech artistic reception of lexico-semantic syncretism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no 384, pp. 18–26.

Revzina O.G. Sistemno-funkcional'nyj podhod v lingvisticheskoj poehtike i problemy opisaniya poehticheskogo idiolekta [Systemic-functional approach in linguistic poetics and problems of the description of a poetic idiolect]. Philology Dr. Diss. Moscow, 1998. 86 p.

Sergeeva E.A. Poetika rasskazov T.Tolstoj: sbornik “Reka Okkervil” kak hudozhestvennaya sistema [Poetics of short stories by T. Tolstoy: collection “The Okkervil River” as an art system]. Philology Cand. Diss. Saratov, 2013. 19 p.

Skoropanova I.S. Russkaya postmodernistskaya literatura: novaya filosofiya, novyjazyk [Russian postmodern literature: new philosophy, modern language]. SPb., Nevskij Prostor Publ., 2001. 416 p.

Sternin I.A. Osnovy rechevogo vozdejstviya: uchebnoe izdanie [Bases of speech influence. Educational edition]. Voronezh, «Istoki» Publ., 2012. 178p.

Teoriya teksta: uchebnoe posobie [dlya studentov magistratury, aspirantov filol. special'nostej, prepodavatelej] [Theory of the text: manual] / YU.N. Zemskaya [i dr.] ; podred. A.A. CHuvakina. 3-e izd.; ster. Moscow, Flinta Publ., 2012. 222 p.

Tyupa V.I. Diskursivnye formacii: ocherki po komparativnoj ritorike: monografiya [Discursive formations: essays on comparative rhetoric: monograph]. Moscow, Izdatelstvo Yurajt Publ., 2018. 274 p.

Эффективное речевое обshчение (базовые компетенции): словарь-справочник [Effective speech communication (basic competences): dictionary reference] / pod red. A.P. Skovorodnikova. CHlenyredkollegii: G.A. Kопnina, L.V. Kulikova, O.V. Fel'de, B.YA. SHarifullin, M.A. YUzhannikova. Krasnoyarsk, Sib. Feder. un-t Publ., 2012. 1574 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кукуева Галина Васильевна, доктор филологических наук, профессор
Сургутский государственный педагогический университет
628410, Россия, Тюменская обл., ХМАО-Югра, Сургут, 50 лет ВЛКСМ 10/2
E-mail: kupala@inbox.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kukueva Galina Vasilyevna, Doctor of Philology, Professor. Surgut state pedagogical university
Surgut Federal University
10/2 50 years of the Komsomol Str., Surgut , 628410, Russia
E-mail: kupala@inbox.ru